

Вероника Коваль

«Где же истина, что с душой едина?»

Назвать Илью Рейдермана поэтом и философом или философ-поэтом – банально. Это неоспоримо. Только он гораздо глубже самых правильных определений. В его стихах прорываются из подкорковых глубин окрашенные в разные тона «взвеси» его натуры: то смиренная, то вулканическая, то чувственная, то умо-зрительная. И эти «взвеси» вступают в реакцию друг с другом и с кислородно-углекислой атмосферой жизни... Такая вот сложная поэтическая материя получается.

Нужно, полагаю, в предвкушении стихов хоть коротко рассказать читателям о Рейдермане как личности (с моей точки зрения).

Это уникальный человек. Самая отличительная его особенность: он думает. Да-да, говорю так осознанно. Его мозг напоминает гриммовский горшочек, который непрерывно варит. Но не опостылевшую кашу. Он производит мысли о высоком, непреходящем, ценном, общечеловеческом.

С любимым, даже знакомым по касательной человеком Илья заводит беседу такого уровня. Ведь еще одна его ипостась – проповедничество. Он использует для своих бесед-проповедей любые каналы: свои книги, газеты, ТВ, радио, Фейсбук, публичные встречи с читателями, очные и дистанционные культурологические семинары для молодежи (не случайно много лет назад в «Одесском вестнике» шли его огромные, на полосу, статьи под данной мною рубрикой «Кафедра»). Такой энтузиазм – не ради пиара, а токмо из желания засеять как можно больше душ отборным зерном красоты и добра.

Проповедничество – слагаемое социальной педагогики. Рейдерман по природе учитель. Точнее сказать, нравоучитель. Иногда даже с перехлестом. Люди не очень-то любят нравоучения.

Правда, он бывает и неким трикстером: хитренькая усмешка в седую бороду или язвительная эпиграмма могут так припечатать! А случается (редко!), играет в барда, выпевает свои тексты. И представьте, неплохо. У Ильи вообще все получается, потому что он многоталантлив.

Однако какую бы форму ни приобретали его печатные или публичные высказывания, в них всегда просвечивает сильный ум – то беспощадно-аналитический, то визионерски-провидческий.

В новой книге личность Рейдермана представлена во многих ипостасях. Стихов огромное количество, поэтому «судьба

получает объем». Несомненно, это «творческий отчет» о солидном куске жизни. В нем собраны стихи разных лет из различных сборников – «Миг», «Пространство», «Бытие», «Земная тяжесть», «Молчание Иова», «Дело духа», «Боль», «Надеяться на понимание» и других. Включены и отдельные циклы – «Музыка», «Неописуемые дни», поэма «Голоса». Не нужен контент-анализ, чтобы убедиться: уже по названиям понятна мировоззренческая основа творчества Ильи.

Как же подступиться к такому массиву материала? Как обобщить и осмыслить? Как «препарировать» его, чтобы в сухом остатке получилось на пару страниц мнение о поэтике этого автора? Признаюсь, я немало помучилась в поисках ключа к анализу материала. И нашла. Я пришла к выводу, что нужно рассматривать тексты Ильи через призму фрактальных закономерностей поэзии как одного из его главных конструкторских приемов. Представленная книга – это некая целостность. В самом деле: наивно было бы полагать, что Рейдерман составит ее из разнородных, не связанных друг с другом смыслово частей. Да, перед нами целостность с присущей ей гармонией. Которую, как известно, можно поверить алгеброй. Насчет алгебры не знаю, но геометрией – можно.

Поскольку не все знают, что такое фрактальность, – поделюсь информацией.

Фрактальность – сравнительно новое понятие. Оно вошло в научный оборот в середине 1970-х годов и быстро распространилось на самые различные отрасли знания, в том числе на музыку, архитектуру, изобразительное искусство. Фрактал – это неправильная, изломанная геометрическая форма, которая состоит из подобных же форм меньшего размера, которые в свою очередь состоят из своих уменьшенных подобий. Фрактальность есть понятие, фиксирующее свойство природы, мира, человека развиваться, находиться в постоянном движении, множить себя. Яркий пример – дерево. Единый ствол делится на ответвления, затем на ветки, каждая ветка, в свою очередь, делится на веточки – все более тонкие. Важно заметить, что фракталы не тождественны целому, а подобны ему и самоподобны, – так каждая ветка дерева индивидуальна по форме, длине и т. д.

Фрактальность построения новой книги Рейдермана обнаруживается, во-первых, в том, что если массив стихов произвольно разделить на несколько частей, то и смыслы, и стилистика, и образный строй, присущие автору, сохранятся в каждом из них. О чем это говорит? О том, что у поэта есть собственная индивидуальная поэтика (явленный в стихах сплав мировоззренческих основ, миропонимания мироощущения, своеобразного творческого воображения и способов изъяснения).

Да это и понятно – Илья в поэзии уже более полувека. Во-вторых, фрактальность проявляется в том, что основной ствол его поэзии «расходится» на несколько больших по смыслу тем – Время, Природа, Человек и мир, Поэт и мир. В каждом фрактале основная тема обрастает новыми поворотами, ходами, нюансами – подобно джазу с его импровизационной сущностью.

Время – вертикаль, уходящая из глубин веков в космос; природа – горизонталь, обнимающая все стороны света; человек – сущность, живущая в системе указанных координат, сущность одухотворенная и одушевленная. Рейдермана интересует, в каких реальных взаимоотношениях человек и, прежде всего, он, автор, находится с другими мирами. И отдельная ветвь – глубоко волнующая автора тема понимания (скорее непонимания) поэта обществом.

Время Рейдерман воспринимает как нечто живое, растущее, колышущееся, с приливами и отливами. Для него секунда так же значима, как вечность, ибо можно за секунду прожить жизнь и можно кануть в вечность, не став никем. Эту субстанцию поэт пробует на ощупь, но с годами все пристальней вглядываясь в ее волны – ведь каждая окрашена в новый цвет. Он ценит прошлое («прочнее, чем гранит, ушедшее»), его вспоминая дороги ему со всеми потерями и страданиями. Но человеку жить нужно в своем времени и соответствовать ему. Ведь все мы – современники, а не со-временщики:

От времени посланье получить –
и отстучать ответ – сердцебиеньем.

Однако у самого поэта отношения с временем не столь однолинейны. Он мечется: то чувствует себя опережающим время, то, напротив, традиционность поэтического языка как бы отбрасывает его назад («век мой умер»), то он чувствует себя вообще вне времени. Но все-таки поэт призывает людей сверять свои часы по космическому времени: стремиться вверх, ввысь, к звездам. Он и душу свою сравнивает с быстролетающей птицей со звездой в клюве. А иногда – с трепетнокрылой бабочкой.

Природа у Рейдермана всемогуща и всеобъемлюща. Стихи пронизаны своеобразным пантеизмом. Бессчетное

множество раз в них варьируются темы состояния природы в отдельные мгновенья бытия. Они не просто отражают меняющееся настроение человека. Поэт сливается с природой каждой клеточкой своего тела и души. И она принимает его, вбирает в себя и сама становится одушевленной. Уже в названиях стихотворений, во многих строчках эта слитность читается как утверждение: *Я – берег моря; Я – сирень; Я – дерево в полдень; Я – туман; Я – дождь – осенний, мелкий, затяжной; Я – загнанная лошадь; Я – детское восторженное «ах»; Я как песчинка на ладони Бога...*

Дерево – любимый природный образ поэта. Сколько в нем смыслов! Поэт (точнее, его лирический герой) выходит из дерева как часть ствола, отделяется, одушевляется. Он ощущает себя частью дерева: его ветки – как кровеносные сосуды, листвой он дышит, корнями, впитывающими соки земли, питается его поэзия. Или, наоборот, герой входит в разъем ствола и прирастает к нему.

Подпись под фото

Ты ведь похож на дерево –
тоже растешь в небо,
и птица садится на ветку,
и облако над тобой.

А сколь проникновенно говорит поэт об осени! Это его время – время мудрости и горечи. Осень безжалостна. Не случайно один из псевдонимов Ильи – Борис Осенний.

Только в природе, если следовать по всей цепи образов Рейдермана, человек может найти отдохновение и вдохновение. К слову, образность Рейдермана мне кажется идущей скорее от платоновского мира абстрактных идей. Иногда мне не хватает в стихах Ильи «вкусной» осязаемости, цвета, запаха конкретной вещи, что так привлекательно у акмеистов! Но в одной из лучших его книг, «Земная тяжесть», которую я когда-то рецензировала, – душа и слово врезаны в плоть бытия до полной осязаемости, до боли. Книга эта – представленная в «Избранном», разумеется, лишь частично, поразила меня тогда своим обжигающим трагизмом, переживанием смертей сына и жены. В сегодняшней поэзии подлинный трагизм почти не встречается. Прочитаю фрагменты из моей тогдашней рецензии. «Не могу припомнить исповеди, подобной той, какой является книга «Земная тяжесть». Все лабиринты души промыты словом – точным, свежим, истинно поэтическим... Читаешь такое – и словно сам погружаешься в черную бездну. Но вдруг обжигаешься о строку:

Беде спасибо! – если б не она,
как все б рыл землю до седьмого пота.

Да, такова диалектика бытия. Страдания становятся тиглем, на огне которого выпариваются суетность, зависть и прочие атрибуты обыденности. Душа воспаряет над ней, «как будто рухнула стена – и даль! И высь! И тяжкая свобода». Она воспаряет на крыльях рифм. В творчестве – спасение. Нужно упрямо идти, чтобы успеть сказать многое другим людям... Удивительно: в этой книге скорбей самое часто повторяющееся слово – «жизнь». Так и должно быть у настоящего поэта».

И вышедшая через несколько лет книга «Молчание Иова» – тоже трагична, только боль переплавлена в стихи на библейские темы и подражания псалмам. Боль отцовская, житейская – вставлена в оправу вечности в монологе Авраама. И снова приведу фрагмент из тогдашнего своего искреннего и непосредственного отклика:

«Поэт, не боясь суда небесного, непонимания людского, задает и задает вопросы Ему. *«Господи, слышишь скрежет зубов-ный и плач?»*. *«Иль нас, в пустыне жаждущих, спасут земные власти и земные блага?»*. *«Как снова стать живым? Как смерть избыть?»*. *«Как мне вынести этот жар и этот яркий свет?»*. Вопросы, вопросы... О смысле бытия. О назначении человека. О вере и неверии. В разделах «Библейские мотивы» и «Подражания псалмам» поэт отказывается от красивых слов и ярких образов. Сейчас они кажутся ему мишурой, прячущей смысл. Он – наедине с Богом. Человек, каков он есть – слабый, терзающийся сомнениями, противоречащий сам себе, безумный... но в то же время – сильный и гордый...

Автор достиг такого духовного состояния, когда, проникнув в суть земной жизни, может обратить к небесам самые болезненные вопросы, а потом неожиданно сказать:

Господи, все, что для нас сотворил ты, – как мед.
Небо и птицы, и губы любимой – все чудо».

Сейчас я бы добавила, что приоткрывшееся мне тогда осознание Ильи Рейдермана как религиозного поэта – и есть ключ к его творчеству, пусть и не всегда очевидный. Сам автор считает, что всякая поэзия изначально есть служение Высшему, как бы его ни называть, и поэтому обязана удерживать «высокую ноту», высокий строй души – а иначе она всего лишь искусное (порой даже слишком) плетение словес.

«Человек, ты Царь Природы?» – вопрошает автор в одном из стихотворений. Хотя сам себе он давно ответил: «Увы!». Человек из века в век теряет в себе человеческое. В этом культурологическом фрактале Рейдерман куда как менее благостен. Его устные проповеди обретают в стихах еще большую значимость,

актуальность, критичность, остроту. Культурологическое перерастает в философское. Поэт искренне спрашивает: как можно жить в мире, где дважды два – четыре? Как можно жить, не видя божьего света, «уткнувшись в освещенные вещи»?

Мир уничтожится набегом
пустот, взбесившихся нулей?

Похоже, мы стремительно приближаемся к апокалипсису – такую картину мира рисует нам поэт. От таких пророчеств делается страшно. Неужто и вправду впереди – безысходность?

Отрицание прописных истин и скучной обыденности – его, поэта, критерий отношения к жизни, и с ним он соотносит вещество существования человека в обществе. Он призывает нас:

Так откажись, восстань, беги из плена.
Плюнь в телевизор. Не читай газет.
Истории нет больше. Тьма историй
взамен. Вконец запутанный клубок.
Все истины уже погибли в споре.
Сознания нет, и обморок глубок.

Так неужто нет спасательного круга, который может удержать человека в мире, где все «мгновенно, ненадежно, тленно»? С каким отчаянием, с какой болью и страстью поэт вопрошает Иова:

Когда нас хладнокровно убивают –
Бог в мире пребывает? Убывает?..
Когда предсмертный слышен детский плач, –
Он может быть спокоен, счастлив, весел?

Та книга – в предельном напряжении мыслей и чувств порождает мгновенные вспышки света, освещающие наш сегодняшний запутанный лабиринт в поисках выхода... Там – квинтэссенция размышлений о поисках Высшего смысла. Это – акме поэта, верхняя точка пирамиды его размышлений. Опорой может служить близость к Богу, ощущение, что ты, человек, создан по его обра-

зу и подобию. Нужно видеть вертикаль жизни, стремиться в тот простор, что незрим очами: «открыть себя, как в мир открыть окно»; «трудись, душа, стремясь соединить все то, что жизнь дала и обещала».

...Рейдерман органически, всей сутью своей принадлежит к братству поэтов – людей странных, непредсказуемых во взглядах и высказываниях. Их можно почитать и можно иронизировать, но нельзя отказать им в особом зрении. Поэты видят мир одновременно в разных проекциях, иногда глядя вниз, будто из просвета туч, а иногда в подробностях описывая травинку. Они вглядываются в нас и видят, что мы собой представляем по сути. Они, и Илья в том числе («стихи, что земной диктовались болью»), осознают несовершенство человека и созданного им мира. Но поэты не сторонние наблюдатели. Они страдают и сострадают, потому многие из них и гибнут раньше. Горя желанием усовершенствовать бытие, они располагают единственным инструментом – Словом. Как применить его – вопрос совести и таланта. Илья не пускает свое Слово под ветра изменчивой моды или политики. Но он не молчит, когда нужно:

Такая жажда жизни у эпохи,
что не имеем права не сказать!

Автор созывает на свой круг великих поэтов прошлого; он благоговеет перед ними, соотносит себя с ними. Именно так нужно понимать его задиристые, на первый взгляд, строки: «Все стихи Мандельштама написаны мною».

Но! Огромная проблема – слышат ли поэтов современники и услышат ли потомки. «Пророки ныне устарели!» – с болью воскликнул поэт в одном из ранних стихотворений. Но все его творчество свидетельствует о том, что с этим фактом он не смирился. Хотя эта проблема оборачивается для него внутренней трагедией. Критерием творчества стал успех любой ценой. Уходит в прошлое бумага, уходит чуткость к нюансам словосочетаний, к музыке звучащей строки. Косноязычие давно превратилось в пандемию. А с оттенками слов исчезает цветовая палитра смыслов и чувств.

Кто же, если не поэт, скажет пораженному глухотой и немотой:
«Как нужна живая вера в Правду Честь, Лиц и Слово!».

В почти завершающем его книгу избранного «Из глубины» стихотворении «Диалог поэта и читателя» (потому что дальше следует какой-то раздел «И еще», включающий, очевидно, стихотворения из какой-то еще не оконченной книги) читатель говорит: «Ведь если вы не знамениты, я книжку вашу не открою». Поэт отвечает:

Мы тайное живущих братство.
...Мы знаем: в адской топке века
не все сгорает без остатка...

Поэт Илья Рейдерман мечтает об одном: дождаться своего времени.

От редакции. Поздравляем нашего постоянного автора поэта Илью Рейдермана с 80-летием.

